

ТАЙНАЯ ГВАРДИЯ БЕРИИ

СЛОМАННЫЕ КРЫЛЬЯ РЕЙХА

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Сломанные крылья рейха / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Тайная гвардия Берии).

ISBN 978-5-04-226069-8

По данным советской разведки, на одном из заводов в пригородах Праги создаются комплектующие для немецких ракет ФАУ. Сбежавший оттуда военнопленный сообщил, что с приближением Красной Армии цеха будут взорваны, образцы продукции и документация отправлены в Германию, а рабочих уничтожат. Группе подполковника Максима Шелестова поручено выяснить, где расположено секретное производство, и любой ценой добыть техническую документацию. Оперативники пытаются действовать через чешское подполье. Но немцы не дремлют: они перекрывают тоннель, ведущий в подземные цеха, устраивают засаду на конспиративной квартире, нейтрализуют связного... Шелестов понимает, что ему не остается ничего другого, как прорываться на объект с боем...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-226069-8

© Тамоников А.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

Приборы упаковывались в плотную вощеную бумагу, затем их аккуратно укладывали в деревянные ящики, предварительно прокладывая многослойным картоном. Иван Черняев сослался на то, что он во время работы с электротельфером повредил руку. И чешский мастер перевел его временно на транспортировку ящиков с готовой продукцией. Катать тележки, пусть и очень тяжелые, по ровному бетонному полу было несложно. Сложнее было не выдать себя и не использовать на всю катушку руку, которая считалась травмированной. Врач приедет через два дня, так что можно продержаться. А сбежать Иван намеревался завтра вечером.

Упираясь плечом, он сдвинул тележку с места и покатил в дальний конец цеха, где виднелись решетчатые двери, которые вели в шахту лифта.

Там продукцию поднимали наверх. Когда лифт работал, можно было ощутить движение воздуха, уловить запах зелени деревьев, луговых трав.

В подземном цехе работали и русские военнопленные, и чешские рабочие, провинившиеся и сосланные сюда в наказание. Пленных привозили в вагонах с забитыми наглухо окнами, ночью сажали в машины и привозили сюда. Никто представления не имел, в какую местность они попали. Находились, правда, знатоки, которые вычисляли по им только известным признакам, что привезли их в Восточную Европу. Но до границ Советского Союза далеко. Красная Армия хоть и наступает, но когда она дойдет до Чехословакии, неизвестно.

Ивану было все равно, какая это страна. Бывший пограничник, засыпанный взрывом в разбитом доме, он отлежался и две недели выходил в одиночку к своим в 1941-м. По захваченной врагом территории, мимо сожженных сел. И вышел. А год назад во время боев на Мгинском направлении Иван снова попал в плен. Контуженный, он первое время не мог даже говорить. Может, поэтому его и не допрашивали, а сразу отправили с другими пленными в тыл, во временный лагерь. Поменяв несколько лагерей, Иван в конце кон-

цов угодил на этот завод. И с тех пор только и думал о том, как отсюда сбежать.

— Ян, — раздался рядом шепот, когда Черняев установил свою тележку и зафиксировал ее «башмаком». — Ян, иди сюда, пока никто не видит.

Черняев за эти месяцы научился неплохо понимать чешский язык и даже сам довольно сносно говорил по-чешски. В этой части у подъемника и правда сейчас никого не было. Начинался обеденный перерыв, немцы даже на чешских заводах завели свои строгие порядки. Опоздание на перерыв — такое же нарушение трудового распорядка, как и опоздание к началу рабочего дня.

Иван подошел к чеху, бросил взгляд по сторонам.

— Смотри, Ян, — на свой манер выговорил имя русского пленного чех. — Это схема того подземного ливневого водотока, про который я тебе рассказывал. Его строили еще сто лет назад для отведения дождевой воды с улиц к реке.

— А если о нем знают и другие? — с сомнением покачал головой Иван. — Немцы могли забетонировать вход, заминировать его.

— Не знают, — с улыбкой покачал головой чех. — На этой схеме такой слой пыли, ее не

трогали лет двадцать. В эту часть архива никто не лазил. Это корпуса, которых уже нет. Старая линия электропередачи, которая уже не существует. На схеме еще две «ливневки», которые засыпали. Они обвалились на многих участках, проще построить новую, чем раскопать старую. Да и опасно там работать, под новыми корпусами.

— А если этот тоже обвалился? — с сомнением спросил Иван и почувствовал, как у него предательски засосало под ложечкой. Это был шанс вырваться на свободу, хороший шанс.

— Да, в начале, — согласно кивнул чех. — Но дальше свод прочный, он не пострадал. А в начале тоннеля он обвалился потому, что здесь прокладывали каналы для электрических кабелей и проводили грунтовые работы. Я проверял. Правда, я не знаю, как там дальше, но уверен, что проход есть. Риск, но я бы на твоём месте попробовал. Иначе отсюда не вырваться. Вас не выпускают на поверхность, на верхние этажи. Я думаю, Ян, вас никогда не выпустят.

Последние слова были произнесены с такой грустью, что Черняев понял: надо пытаться. Это не просто путь к свободе, это еще и шанс выжить. Действительно, с какой стати гитлеров-

цам заботиться о русских пленных. Они слишком много знают о том, что изготавливалось здесь, под землей. Чех сказал, что это комплектующие для каких-то мощных ракет большой разрушительной силы. Нет, немцы никого не выпустят!

На то, чтобы подготовиться к побегу, Иван потратил десять дней. Он припас инструмент, который мог пригодиться в подземелье: самостоятельно изготовленный короткий ломик, небольшую лопатку на коротком черенке, закрытый светильник, в который можно вставить свечу. И запас свечей Иван тоже сделал солидный. Но это уже с помощью своего чешского друга. С его же помощью он заготовил набор продуктов питания, которого хватило бы на несколько дней.

План был прост — уйти как можно дальше от завода. Туда, где его не станут искать. Направление Иван намеревался выбрать сам уже на месте, когда выберется из подземелья. Леса, горы, все, что поможет. Хотя он сомневался, что рядом были леса и горы. Но тогда выход был один — пробираться к линии фронта ночами, днем прятаться, отсыпаться.

Отключить электричество Ивану посоветовал чех. Он ослабил контакт подводки кабеля в щит-

ке, и в нужный момент достаточно было только дернуть за кусок проволоки, который незаметно торчал снизу. Проволока сдернет конец кабеля и останется в руке. Ее потом следует выбросить, и никто не заподозрит в умышленном отключении света. По крайней мере, сразу не заподозрит. Иван решил сделать это в начале рабочего дня, чтобы у него в запасе был световой день. Вряд ли удастся пройти тоннель быстро, но если удастся, то лучше за светлое время уйти подальше от завода.

Все было готово. Брезентовая сумка с припасами прикрыта небольшим листом фанеры. Ломик под рукой, чтобы проникнуть в люк. Иван волновался так, будто в юности шел на первое свидание с девушкой. Сейчас его ждали другие ощущения, сейчас на кону были не отношения с красивой девочкой, а его жизнь. А может, и жизнь всех военнопленных на заводе. Добраться бы до своих, рассказать, предупредить!

Свет погас в этой части подземного цеха в половине десятого утра. Не прошло и пары минут, как в темноте раздался топот, послышалась немецкая ругань. Эсэсовцы отреагировали быстро, но Иван был уже на месте. Он понимал, что у него очень мало времени, и поэтому старался

сделать все правильно и с первого раза. Ломиком он поддел крышку в полу, бросил вниз свое имущество, спустился в люк, и только потом, когда крышка должна была опуститься, он дернул за веревку. Вместе с закрывающимся люком на него высыпалась большая куча угля, сваленная у стены почти два месяца назад. Иван надеялся, что никому не придет в голову сравнивать, что раньше куча была на метр левее, чем сейчас. Там было около двух кубометров угля, а о том, что под его грудой имелся люк старой «ливневки», мало кто помнил.

Когда шум осыпавшегося угля наверху затих, Иван отряхнул голову и плечи от угольной пыли и, стараясь не кашлять, торопливо зажег свечу в небольшой переносной лампе. В слабом свете все вокруг выглядело примерно так, как и три недели назад, когда чех рассказал Ивану про подземелье и русский пленный сумел заглянуть сюда, приподняв тяжелую крышку.

Константин фон Нейрат сидел за столом в своем рабочем кресле, но все равно чувствовал себя подчиненным. Его тяжелое лицо то багровело, то покрывалось бледными пятнами. Опыт-

ный дипломат, фон Нейрат умел сдерживать свои эмоции, прятать их перед зарубежными партнерами, но здесь, в Богемии и Моравии, куда он был назначен рейхспротектором, он чувствовал себя двояко. С одной стороны, с него спрашивали за все, что происходило в Протекторате, но с другой стороны, он был связан по рукам и ногам, решения принимались без него. Хуже того, его просто ставили перед свершившимися фактами. Вот и сейчас Карл Франк, обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции, человек, который должен был подчиняться фон Нейрату, давал ему задания, поучал и советовал. И это притом, что сам фон Нейрат имел такой же чин в структуре СС, как и Франк.

— В Берлине прекрасно понимают, — говорил Франк, глядя на рейхспротектора своими холодными глазами, — что Красная Армия в состоянии при поддержке чешских и польских партизан дойти до границ Богемии и Моравии. И вооруженные силы поддержания внутреннего порядка Протектората не смогут оказать существенной помощи вермахту. Это реалии, с которыми мы должны считаться. Фюрер поставил четкую задачу: заводы здесь должны работать до последнего дня, пока еще можно производить

военную продукцию для Германии, пока ее еще можно вывозить. Когда наступит критический момент, все должно быть взорвано, все военнопленные, работавшие на заводах, должны быть уничтожены. Ни одного свидетеля, ни клочка бумаги с чертежами или техническими формулярами. Ни одной железной гайки не должно достаться врагу!

Нейрат и сам понимал, что войска Протектората ненадежны. Пока есть кнут и хозяин, который может воспользоваться этим кнутом, они послушны. Но если хозяину будет грозить серьезная опасность, чехи предадут его так же легко, как предали свое правительство в марте 1939 года. Нейрат помнил события 14 марта 1939 года, когда единственная чешская часть под командованием капитана Карела Павлика оказала вооруженное сопротивление германским войскам, входящим на территорию Чехословакии. Да, движение Сопротивления в Чехословакии существовало, но очень уж активным назвать его было нельзя. Да, действовало правительство в изгнании, да, совершено было чудовищное покушение на Рейнхарда Гейдриха. Но эту операцию провернули не местные ячейки Сопротивления, а специальная группа, которую готовило в Лон-

доне британское Управление специальных операций.

Еще в июле 1939 года в Протекторате были созданы собственные вооруженные силы, чтобы придать Протекторату некоторые черты автономности. В основном вооруженные силы Протектората состояли из солдат и офицеров, которые раньше служили в чехословацкой армии. Им сохранили прежнюю форму, эмблемы и систему наград. Только в 1944 году наконец была введена военная форма, соответствующая германским образцам. Вначале все казалось спокойным и незыблемым. Да и движение Сопротивления не имело катастрофических масштабов. Покушение на Гейдриха было скорее исключением из правил, чем проявлением системы в работе подполья. Вооруженные силы Протектората насчитывали в первые два года 7000 человек и состояли из 12 батальонов по 480 человек. Кроме пехотных рот, в их составе находились велосипедные роты и конные эскадроны. Вооружение состояло из модернизированных винтовок Манлихера, ручных и станковых пулеметов, выпускавшихся на заводах «Ческа Збройовка». Вооруженные силы Протектората возглавил бывший бригадный генерал чехословацкой армии Ярослав Эмингер.

Его основной задачей были охрана дорог, мостов, складов и прочих стратегических объектов, проведение аварийно-спасательных и инженерных работ, а также помощь полиции.

К 1944 году все изменилось. Советский Союз не только оказывал серьезное сопротивление Германии, но и успешно наступал уже больше года, заставляя вермахт пятиться, неся серьезные потери, теряя захваченные территории. Гитлеру не удалось захватить Москву, не удалось пробиться к каспийской нефти. Ресурсы Германии таяли. Коалиция никак не рассчитывала на такую затяжную войну с СССР, на всплеск движения Сопротивления на территории всей Европы. Особенно хорошо это стало заметно, когда советских военнопленных стали использовать на производстве. Несмотря на то что условия жизни и работы на военных заводах были несравнимо лучше, чем в концлагерях, военнопленные находили способы совершать побеги. Их ловили, расстреливали, травили собаками, но они все равно бежали и находили местное подполье, партизан. И тогда с удивительной силой местное движение Сопротивления возрастало.

Достаточно вспомнить Францию, которая покорно сложила оружие лишь потому, что Гер-

мания захватила Париж. Немцы даже не стали оккупировать всю страну, уверенные, что французы не станут сопротивляться новому режиму. Поначалу так и было. О маки никто особенно и не слышал до 1943 года. Изначально в отряды уходили молодые люди, старавшиеся избежать призыва в трудовые отряды. А потом, когда на территории Франции появились советские военнопленные, когда они начали бежать с заводов и вливаться в отряды макизаров, тогда во Франции началась настоящая партизанская война. Фон Нейрат, присутствуя на совещаниях в Берлине, слышал отчет о ситуации во Франции, сложившейся к 1944 году. На территории этой страны действовали 55 советских партизанских отрядов численностью от 12 до 250 человек. Они носили названия «Сталинград», «Чапаев», «Жуков», «Имени Сталина», «Свобода», «Котовский», «За Родину», «Ленинград», «Щорс».

Как это ни страшно было сознавать, но Константин фон Нейрат понимал, что с приближением Красной Армии цеха заводов, особенно те, что работали на проект «ФАУ», будут взорваны, образцы и документацию эвакуируют в Германию. Рабочих и инженеров из числа военнопленных уничтожат. Да, сейчас, в 1944 году, в Берлине

отдавали себе отчет в том, что Красная Армия может войти на территорию Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии.

Сосновский ехал на заднем сиденье штабного «Мерседеса» и вел непринужденную беседу с молодым лейтенантом Гюнтером Хольцем. Четыре мотоцикла сопровождения им выделили еще на аэродроме, где Сосновский старательно изображал страх перед партизанами. На «майора Макса Кауфмана» смотрели с нескрываемой иронией. Что взять с тыловика, который фронта и в глаза не видел, который шарахается от каждого резкого звука и часто смотрит на небо, по каждому поводу осведомляясь, наш это самолет летит или не наш? Что взять с инженера с майорскими погонами? Это же не бравый офицер с Восточного фронта, прошедший все ужасы войны с большевиками.

Однако лейтенант Хольц, который встречал Сосновского-Кауфмана на военном аэродроме, вел себя вполне прилично и всячески старался понравиться берлинскому гостю. Еще бы не стараться, Красная Армия наступает, партизаны множатся, опасность повсюду, а в столице так спокойно и красиво. Там играет музыка, там де-

вушки на пляже в красивых купальных костюмах, там спортивные состязания между молодыми офицерами. Там перспективы и связи. А здесь, в этой дыре...

Сосновский болтал, а сам внимательно поглядывал по сторонам. Кажется, они отъехали от военного аэродрома в Гостивнице достаточно далеко. Хотя что значит тут, в Европе, слово «далеко». Таких бескрайних просторов, как на Родине, больше нигде не найти.

Первый этап он прошел нормально. Платов через свою агентуру в Берлине вовремя получил сигнал о том, что в Прагу едет представитель, который должен оценить положение на заводах, особенно тех цехов и производств, которые связаны с проектом «ФАУ». Специалиста с помощью подпольщиков-антифашистов перехватили прямо в Берлине на аэродроме, и в самолет вместо него сел уже Сосновский. Провернуть такую операцию с офицером СД или генералом вряд ли удалось бы. Но майор из инженерного управления — сошка мелкая, по меркам столицы. Это здесь, в Протекторате, к нему будут относиться со всей почтительностью и подчеркнутым уважением. И примет его не рейхспротектор и даже не его заместитель, а всего лишь руководство

заводов, которые Сосновский-Кауфман намерен посетить. Канцелярия рейхспротектора потом, после ознакомления с отчетом своего специалиста и предложений руководства заводов, расположенных на территории Протектората, получит рекомендации из Берлина.

«Кажется, здесь», — успел подумать Сосновский, как вдруг тишину дубовой рощи прорезали автоматные очереди.

Головной мотоцикл охраны занесло, и он перевернулся. Следом раздался взрыв гранаты. Лейтенант Хольц взвизгнул почти по-женски и стал кулаком стучать в плечо водителя, требуя, чтобы тот прибавил газу. В другой руке молодого офицера появился пистолет, Сосновский упал на сиденье, опасаясь, что перетрусивший немец начнет палить во все стороны.

Водитель штабной машины оказался человеком опытным. Он уверенно вилял, объезжая перевернутый мотоцикл, потом второй, который бросили автоматчики. Солдаты сопровождения ввязались в бой, а легковая машина прорвалась через партизанский заслон и понеслась дальше по разбитому гусеницами асфальту.

«Сейчас должны быть два крутых поворота, и машина исчезнет из виду», — вспомнил карту

местности Сосновский и, лежа на сиденье, потянул из кобуры пистолет.

Машина резко вильнула, подпрыгивая на кочках из вывороченного асфальта. Сосновский ухватился за спинку переднего сиденья и сел прямо. Все, стрельба осталась позади.

Снова резкий поворот, и Сосновского бросило на дверь машины.

«Все, теперь пора», — решил Михаил и навел пистолет на лейтенанта.

Из-за рева двигателя и стука подвески водитель не сразу понял, что случилось за его спиной в кабине. Выстрелив лейтенанту в бок, Сосновский тут же отстранился так, чтобы его не забрызгало кровью, и поднял пистолет. Пуля ударила водителя в затылок, лобовое стекло моментально забрызгало кровью и серым мозговым веществом. Сосновский перегнулся через спинку сиденья и перехватил руль. Постепенно сбавляя скорость, машина покатила по дороге и вскоре совсем остановилась.

Сосновский выскочил наружу и осмотрелся. Стрельба слышалась не так далеко. Автоматчики охраны скованы боем и скоро здесь не появятся. Но времени все равно мало.